

УДК 7.071.5

Рябов Н.Ф. – старший преподаватель

E-mail: ryabov.kazan@gmail.com

Казанский государственный архитектурно-строительный университет

Адрес организации: 420043, Россия, г. Казань, ул. Зеленая, д. 1

Формообразующий потенциал проектных методов архитектора Р. Ямамото

Аннотация

Действенность проектной методики японского архитектора Р. Ямамото определяется воплощенными в его постройках принципами феноменологичности, экологичности, социальной обусловленности. Дом-клетка, описанный им в тексте-манифесте «Клеточный город», выражение сдвига в современной архитектуре в сторону расширения представлений об объекте проектирования, пример возможного сочетания феноменологических и композиционных приемов формообразования. Использование методов мастера в учебной практике способствует формированию способностей диалогического мышления у студентов-архитекторов.

Ключевые слова: архитектор, Рикен Ямамото, дом-клетка, индивид, система «преграда – стимул», феноменологический подход, методологическое творчество.

Традиционно композиция рассматривается как базис проектной деятельности архитектора, однако часто формы и внутренняя организация построек современных мастеров демонстративно пренебрегают многими композиционными приемами и средствами, определяемыми законами зрительного восприятия. И все же мы продолжаем верить в иллюзию, согласно которой важнейшее свойство архитектуры – ее видимость. На самом деле никто больше на нее не смотрит. Ее воспринимают как часть окружающего пространства [12, с. II].

Философ О.А. Ганжара, определяя: «Вижу, следовательно, владею», утверждает, что вся история существования человека в обществе может быть рассмотрена как способ визуального освоения и завоевания мира по установленным в этом игровом мире правилам поведения [2, с. 57]. Протекание этой игры в современной ситуации его коллега И.А. Добрицына объясняет как следствие многолетнего постмодернистского эксперимента по замене материального объекта на семиотический [3, с. 158]. Действительно, сведение формы к знаку долгое время определяло характер ее интерпретационного поиска. В результате дом уже давно может выглядеть как угодно, а значит, и ускользать от взгляда, выглядя никак.

Сложившаяся ситуация требует расширения представлений об объекте проектирования, пересмотра самого понятия «дом». Кроме того, необходимо переосмысление роли архитектора в проектом процессе, а значит, актуальна проблема метода передачи новых смыслов, техники и тактики создания формы.

Необходимость поиска новых методов и тактик, «притягивающих актуальное и отвергающих устаревшее» [3, с. 279], затрагивает как архитекторов-практиков, так и педагогов, формирующих мировоззрение архитекторов завтрашнего дня. Так, самарчанин С.А. Малахов, пытаясь объединить композиционный метод (интерпретационные действия с прототипом) с методом контекстуализации (анализ программы и контекста), вводит понятие «метаобъект», главным критерием которого является связь объекта и окружения («мета» – это некий смысл, надстраивающийся над эгоистичным замыслом «явить себя» без всякой оглядки на окружение [10, с. 104]). Екатеринбургец В.И. Иовлев обосновывает актуальность экопсихологического подхода как к формированию архитектурной среды, так и самого специалиста, усматривая исторические корни метода в искусстве Востока [6, с. 200]. Его коллега Ю.С. Янковская, исследуя приемы формообразования через раскрытие концепции телесного переживания пространства, противопоставляет феноменологический подход (форма, как след «живого», граница, оболочка) композиционному, в котором специфика зрительного восприятия формирует приемы и правила создания новых объектов.

Их поиск объединяет, прежде всего, следование экологическим принципам, когда ход творческого процесса характеризуется диалогичностью, обеспечивающей единство природы, ситуации, творца и создаваемого объекта. Реализация объекта – только начало освоения пространства, связанное с активностью потребителя [5, с. 168].

Жизнеспособность и продуктивность подобных поисков доказывает опробованная на практике проектная методика видного японского архитектора Рикен Ямамото (р. 1945). Ее содержание, истоки, созвучность поискам российских архитекторов, возможность использования в учебном проектировании методов мастера, заявленных в его программном тексте-манифесте «Клеточный город», предмет рассмотрения данной работы.

На творчество архитектора большое влияние оказали годы, проведенные им в лаборатории его учителя Хироши Хары, исследователя древних, в том числе и североафриканских, городов (именно их Ямамото приводит в качестве примера в «Клеточном городе»).

Эти свободно разрастающиеся города, способные к преобразению, помогли ему понять требования времени к архитектуре, сформулировать основные идеи своей творческой концепции, в частности эту: «Я вижу в здании не столько творение человека, сколько сочетание различных композиций. Композиции постепенно накладываются друг на друга, но совсем не обязательно в итоге появляется дом. Пространственная реальность здания не имеет никакого значения. Здания будут сменять друг друга до того момента, когда граница между ними и городом сотрется, и архитектура утратит прочность, не оставив после себя ничего, кроме этих композиций» [12, с. VII].

«Утрата прочности» или развоплощение (предельная простота) объекта – актуальная тема в архитектуре и дизайне последних десятилетий. Дизайнер Ю. Наумов, рассуждая о своеобразии современной проектной культуры, находит возможным сориентировать проектную задачу на «уничтожение» вещи как лишней, ненужной, чуждой природе, приближая, таким образом, человека к естественной среде его обитания [4, с. 65]. Утверждение подобных взглядов – результат влияния восточной эстетики на культуру Запада и прежде всего принятия западным миром художественного мировоззрения Японии.

Японская культура на протяжении последних полутора столетий – предмет пристального внимания всего мира. Мир архитектуры не исключение. Часто отказывая в эстетической или этической обоснованности тех или иных явлений, мы, сами не понимая почему, восхищаемся продуктами этой культуры. Так, американец Д. Ричи в очерке «Столица кича» пишет: «Оглушающая энергия, составляющая главное впечатление от Токио, отчасти, объясняется его оглушающим безвкусием. Или, если не так резко, колоссальным вкусом, только дурным. Таким дурным, что даже теряешься: что-то ведь такое тут есть! Не может быть, чтобы все это разнообразие, такое живое, такое мощное, было простым бормотанием» [11, с. 86]. Недоумение, определяемое стилиевой и композиционной неприемлемостью обозреваемого автором города, объясняется просто: он рассматривает видимое как некий результат, итог усилий; но никакого результата нет, есть процесс, живости которого он не может отрицать.

В «Клеточном городе» Ямамото, описывая одну из своих построек, точно отвечает недоуменному американцу: «Бесспорно, вид не был обычным. Я редко поддаюсь очарованию своих сооружений, но должен сказать абсолютно честно: меня тронула красота, которой обладал этот сплав произведения архитектуры, явления и события. В действительности это была всего лишь система конструкций из стальных труб» [12, с. II].

Подобный тип видения его соотечественник, архитектор Хироми Фуджи, автор концепции многослойного пространства, называет «непроницаемым проникновением», отражающим картину, которая возникает при перестановках и переносах, происходящих в глубине сознания [3, с. 154]. Руководствуясь стратегией деконструктивистской архитектуры, он кажется далеким от Ямамото, но истоки творчества обоих в силу принадлежности к единой культуре схожи. Их следует искать в переживании особого типа пространства – японского сада. Находясь в его пространстве, мы должны как бы «наносить на карту» один фрагмент за другим, выбирая между проникновением через что-то, движением по чему-то, или пересечением чего-то [3, с. 153]. Фрагментированный пейзаж японского сада не ставится в зависимость от какой-то одной привилегированной

точки, что определяет его многозначность и то ощущение, что «что-то такое тут есть». Сам текст «Клеточного города», состоящий из фрагментированных высказываний (собрания частных), может рассматриваться как некое пространство смыслов, осваиваемое с разных точек: архитектура в нем раскрывается не как искусство демонстрации (видимого), а как глагольное постижение выражения (возможного).

Рассуждая о жизни в клеточном городе, Ямамото говорит о невозможности всякого предварительного плана: «Ничто не свидетельствует о вмешательстве градостроителя, деятельность, которого подчинена единому проекту. Во всем чувствуется импровизация. Непрерывное превращение просто не допускает существования предварительного плана» [12, с. III]. Следующее далее описание марокканского города Сеута расширяет рамки понимания сути его проектной методики: «На фотографии, сделанной с большой высоты, арабский город напоминает скопление клеток, видимое в окуляр микроскопа. Внутренние дворы, вокруг которых возвышаются дома, похожи на клеточные ядра. В каждой грозди жилых клеток неизменно находится место для мечети, небольшой площади и торгового центра. Вместо того чтобы стремиться к завершенности, он становится неделимой сущностью в каждое мгновение своей жизни. Он обладает способностью развиваться во всех направлениях сразу, а также гибкостью, которая позволяет ассимилировать любую неожиданность» [12, с. III].

Акцентация внимания на принципах гибкости, незавершенности, постоянного развития выявляет сходство взглядов Рикен Ямамото на архитектуру с установками российской феноменологической школы, зародившейся еще в 1920-1930 годах (А.Г. Габричевский).

В представлении феноменологической школы человек, переживающий свое телесное присутствие в мире вещей, где витальность его жеста, оставляя след на мертвой материи, порождает объект (или систему объектов) как оболочку-границу между Я и не-Я [13, с. 34]. Подобная форма – выражение пространства, необходимого для движения (человек, не созерцающий, а «проживающий» форму, способную обеспечивать и сохранять желанный созидательный акт).

Базовые компоненты этой концепции – «преграда», выделяющая пространство возможного действия, и «стимул», определяющий приоритетность действий человека в выделенном пространстве. Переменные преграды (характеристики поверхности) и переменные стимула (вместимость, направленность) являются образующими всех возможных пространственных ситуаций [14, с. 47-48].

Формообразование в данном контексте рассматривается как программа создания условий для полноценной реализации меняющихся потребностей человека, предусматривающая среди прочего изменение (незастывание) самой формы; то есть форма существования человека во многом определяет характер и развитие формы, ограничивающей это существование. Сложность (и простота), изменчивость (и конечность) формы определяются представлениями о потребностях современного человека. В архитектурной типологии единственным объектом, претендующим на некую застылость форм и пространственную подчиненность устоявшимся схемам, может, пожалуй, считаться только храм в силу неизменности религиозных канонов.

Принципы, примененные Ямамото при проектировании объектов железнодорожной станции сети Сагами Рьокуэн-Тоши, жилого комплекса в Хотакубо, Дома Японской культуры в Париже (конкурсный проект), семейного дома в Окаяме, можно назвать феноменологическими, отражающими связь человека и окружающей среды с учетом особенностей конкретного места и времени.

Называя свой метод «очень простым» [12, с. IV], архитектор так описывает работу над жилыми домами в районе железнодорожного вокзала Рьокуэн-Тоши: «Никакого общего плана не было. Каждый собственник был волен строить, как ему вздумается. Он мог приспособить свой дом ко всем возможным потребностям, никто ему не мешал». Архитектор ставил лишь одно условие: каждое здание должно иметь «ответвление», связывающее его с любым из его соседей. Срастание этих ответвлений обеспечивало «живое, растущее целое» [12, с. IV]. Каждый дом этого «целого» становился адресатом всякого перехода, протянутого к нему соседним домом, что позволяло улице «проходить» сквозь дом: «Улица то сужается, то расширяется, переходит в небольшие скверы, поднимается и спускается по лестницам и висячим мостам. Каждый дом волен

организовать свою – прилегающую к нему – улицу по-своему» [12, с. IV]. Условие прохода пешехода сквозь дом не безоговорочно: «Каждый владелец может отказаться пропускать через свой дом переход, сооружаемый его соседом, однако в его интересах согласиться. Чем больше прохожих бывает у твоего дома, тем больше в нем коммерческих преимуществ. А преимущество одного владельца становится в некоторой степени преимуществом его соседей. Таким образом, план стихийного развития города стимулирует это развитие изнутри» [12, с. V].

Идея переходов, по признанию самого архитектора, пришла ему до Рьокуен-Тоши, в ходе работы над конкурсным проектом Дома Японской культуры в Париже. Решив, что подчеркнуто японское здание-символ (узнаваемая, застывшая форма-знак) будет неуместным по соседству с типично французским жилым домом, Ямамото предложил проект, основанный на архитектурном преобразовании ландшафта Парижа: здание – продолжение тротуара.

Тротуар, переходный мост, лестница, сквер – связующие элементы ориентационно-планировочной структуры его объектов. Их можно описать с помощью переменных «стимула»: вместимость, направленность, мотивация.

Для него важны именно связи людей в свободно организуемом пространстве: «Индивид вступает в различные типы осуществленных отношений и выбирает время и место, которые он намерен посвятить каждому из них» [12, с. VII]. Новый взгляд на современника определяет понимание особенностей его архитектуры.

«Любую попытку понять японцев следует начинать с того, что означает для них «знать свое место», – утверждала в 1946 году американский антрополог Рут Бенедикт. Иерархический принцип – фундаментальная составляющая всех японских представлений об отношении человека к человеку и человека к государству [1, с. 64].

Традиционные принципы, долгие годы определяющие «свое место» не только японцев, для Ямамото не приемлемы. Исходя из этого, он пишет: «Мы заблуждаемся, спрашивая себя, где кончается одно здание и начинается другое. Неважно о чем идет речь – об отдельном доме, о многоквартирном доме, построенном по принципу экономии расходов и предназначенном для сдачи внаем, о коммерческом центре, о концертном зале или о художественном музее. Всякое здание может стать городской клеткой» [12, с. IX].

Сходную мысль высказывает и наш соотечественник, архитектурный теоретик и практик С.А. Малахов, призывая рассматривать дом как своеобразную проекцию города на единичный объект: «Дом должен порождаться своим окружением. Задачи сообщества и среды выступают как первичные» [10, с. 104].

Подобные вопросы волнуют и современных философов. Б.В. Марков, анализируя цивилизационный проект, ориентированный на свободу индивида, обращается с вопросом именно к архитекторам: «Каковы же сегодня требования к иммунным качествам жилья?» [9, с. 78]. Рассмотрение жилища (со времен основателя топологической онтологии Г. Башляра) в качестве пространственной иммунной системы человека позволяет взглянуть на индивидуальный жилой дом не только как на буквальное выражение «своего места», но и как на место «формирования иммунитета».

Традиционно за понятием «индивидуальный жилой дом» стоит дом для одной семьи. Принятый в архитектуре порядок, признающий приоритет семьи, выражающей интересы индивида, архитектор называет иллюзией. Он предлагает вместо схемы «общество – семья – индивид» другую: «общество – индивид – семья». В этом случае семья не обеспечивает посредничество между обществом и человеком; наоборот, индивид общается с обществом напрямую и действует уже не как член семьи, а как независимая личность. Семейные отношения становятся сторонней для каждого индивида областью, которую он всегда волен принимать или не принимать [12, с. VII].

Пространственное выражение этого принципа архитектор демонстрирует как в жилом многоквартирном комплексе Хотакубо, где каждая квартира имеет индивидуальный выход в закрытый центральный сквер; так и в индивидуальном доме в Окаяме, предназначенном для семьи из трех человек: мужчины, женщины и ребенка. Роль квартир Хотакубо выполняли в данном случае три отдельные спальни, а роль центрального двора – общее пространство кухни-столовой и санитарных помещений. Из расположенных у входа спален можно выйти во двор, где расположены кухня и столовая. Таким образом, каждый член семьи, не исключая

ребенка, получает право выбора как автономности пространственного существования и передвижения, так и связей с другими членами семьи, внешним миром.

Пересмотр взгляда на роль индивида в современном обществе не может не отразиться на профессиональных методиках и воззрениях архитектора.

Закономерности организации архитектурного пространства вне изучения процесса взаимодействия человека и окружения, вне изучения потребителя рассматривать бессмысленно. Исследование субъекта архитектурной среды проводится в русле социальных изысканий, посвященных закономерностям пространственного поведения и деятельности людей, включенных в социальные группы, а также характеристики этих групп [5, с. 27].

Учет социально-культурных, личностных аспектов позволяет Ямамото выступать в своей практике в роли некоего посредника-координатора (между членами жилого образования, человеком и средой), обеспечивающего разумную «последовательность маленьких композиций» [12, с. VIII], определяемую ритмом устройства среды [9, с. 71].

Единство и соподчиненность – основополагающие композиционные принципы – лишаются в пространстве расширяющихся функционального и семантического полей, где отношения «диктуются свободным выбором» [12, с. VII], казалось бы, необходимого компонента – центра; впрочем, его необходимость и значение могут быть поставлены под вопрос, задаваемый философом Ж. Деррида в работе «Эллипс»: «К чему смиренно грустить о центре? Разве центр, это не отсутствие игры и разнообразия, не есть другое название смерти?» [8, с. 60]. Постройки японского архитектора, чье личностное и профессиональное становление приходится на время, когда эти слова были сказаны (конец 60-х), показывают, что это лишение скорее целительно, нежели смертельно: вместо «едины в своем подчинении» – «едины, потому что связаны соседством».

Именно связанность соседством (социальный аспект), поворот внимания от формы к программе, определяющие действенность «простой» методики этого архитектора, стали главными принципами в работе над учебным проектом жилого дома со студентами 2 курса ФОАХП (2010-2011 учебный год).

Изначально разрабатывалось два варианта «утверждения» себя на предлагаемом конкретном месте (территории казанской улицы Курашова, кроме построек разного назначения и времени возведения, включающей овраг с перепадом уровней в 3,5-4 метра): в качестве владельца индивидуального дома и в качестве жителя «клеточного» образования. Работу предварял выход на территорию с выполнением натуральных зарисовок, замеров, определением мест возможного размещения (телесность пространственного переживания), точек восприятия, подходов. Уже на этом этапе решался вопрос возможного соседства, исходя из личных симпатий, совпадения интересов, предпочтений в выборе места и пр. Составлению предварительного плана предшествовали индивидуальные упражнения по прорисовке композиционно-планировочных сеток с учетом геометрических особенностей ландшафта, существующих строений и сложившихся зон притяжения жителей. При разработке плана-схемы индивидуального дома внимание акцентировалось на обязательности связей с окружающей средой (дворовое пространство как продолжение внутреннего, использование подходов к дому старожилами района, «подчинение» планировочного решения рельефу, ограничение объектов по высоте, возможность дальнейшего роста). В случае «клеточного» поселения к перечисленным выше позициям добавлялись новые условия: возможность использования одного из пространств каждого всеми жителями образования, физическая проницаемость – включение в план транзитного пространства, сопоставимость – «каждая новая композиция подвергается известному влиянию предыдущей» [12, с. VIII].

Понимание условия соседства, как определяющего планировочное решение стимула, а не ограничения – принципиальная позиция в данной работе; в ходе ее выполнения сразу обнаруживаются способность (или ее отсутствие) к сотворчеству. Последующий выбор темы зависит от самого студента, убедившегося в приемлемости для него тех или иных способов работы и форм проживания (умение жить с другими – это своего рода талант, одаренность; это, в большой степени, умение войти в положение другого [5, с. 23]).

Дальнейшие работа и консультации студентов, принявших соседство как форму

проживания, носят групповой характер как при корректировке общего плана, привязке его к рельефу (этап определения переменных стимула); так и при создании рабочего макета (уточнение переменных преград). Рождение объекта идет в постоянном изменении, определяемом феноменологическим наполнением методики.

Задачи, решаемые студентами, избравшими индивидуальную форму проживания, поначалу кажутся более традиционными, определяемыми правилами «композиционной» школы (рассмотрение формы снаружи). Однако оговариваемый приоритет интересов субъекта-потребителя, а не наблюдателя, отражает феноменологический характер формообразования и в этом случае. Система «преграда – стимул» помогает как определять параметры, пластику ограждающих место действия (пребывания, события и т.п.) плоскостей, так и выстраивать взаимоотношения с контекстом, увеличивая тем самым жизнеспособность места. Так, в одной из работ дом, вставший на склоне оврага с его значительным перепадом уровней, дает возможность, войдя в него с верхней плоскости, сразу оказаться в холле второго уровня. Продолжает холл длинный, «висящий» над дном оврага стеклянный проход, устремленный к просвету между двумя «хрущевками», скрывающими место от оживленной площадки сбора и общения студентов медицинского университета. Не достигая цели, но задав вектор желаемого развития, стеклянный путь неожиданно обрывается, встретив на своем пути стену – преграду движения и одновременно опору, гарантирующую возможность подобного движения в пространстве. Стена – опора и преграда – еще и узел возможной зоны общения новосела и коренных жителей этого квартала (места отдыха, общения, сушки белья, игр и т.п.).

Дом, не получивший визуально эффектной композиционной формы (предельно простой – развоплощенный), являет собой своеобразный аттракцион преодоления привычных стереотипов. Его пространственные характеристики (парение, преодоление, игра уровней, вписанность, подчинение геометрии движению устремлений, возможность дальнейшего развития) стимулируют формирование запоминающегося образа. Ночью стеклянный проход кажется лучом света во тьме, а сам дом своеобразным приспособлением, подобно волшебному фонарю, этот свет, порождающим и одновременно представляющим в новом свете городской овраг, его, оказывается, высокий потенциал (многоуровневость, близость к месту повышенного интереса людей, культурная неоднородность).

Описываемая студенческая работа стала своеобразной иллюстрацией к словам, с которых начинается текст «Клеточного города», изучаемого студентами в ходе работы: «На далеком расстоянии сверкало множеством огней нечто колоссальное – объект, явление или событие, быть может, здание» [12, с. II]. Процесс формирования представления об объекте проектирования как форме, месте, явлении, событии одновременно (многомерный объект) нашел зримое воплощение, показывающее, в свою очередь, действенность методики мастера.

Эта действенность определяется воплощенными в постройках Ямамото принципами феноменологичности, экологичности, социальной обусловленности. Следование им в учебной практике обеспечивает формирование способностей диалогического мышления (залог конструктивных отношений с заказчиком в будущем).

Диалогизм выступает как метод выражения метафоры действия: принципы общения в коллективе подобны принципам сборки общей формы из частей, и те, и другие провоцируют действие, увязывая феноменологический и композиционный аспекты формообразования.

Особую ценность метод обретает в архитектурной школе наших дней, когда в связи с переходом на новые образовательные стандарты увеличивается время на самостоятельную работу студентов, особую значимость обретают аудиторные занятия, а значит и методологическое творчество (создание способов и средств творческой деятельности под скорое решение конкретных задач, ситуаций).

Клеточный город («поле взаимодействия») мастера – яркое выражение сдвига в современной архитектуре в сторону расширения представлений об объекте проектирования (индивидуальность целого основывается больше на характере связей между элементами, чем на особенностях их формы).

Список литературы

1. Бенедикт Р. Из книги «Хризантема и меч» // Мир по-японски. Эстетические и этические ценности в японской культуре. – С-П.: Северо-Запад, 2000. – С. 64-76.
2. Ганжара О.А. Человек и его окрестности: визуальная семиотизация человека в пространстве города // Сб. научных трудов «Антропологическая соразмерность». – Казань: КНИТУ, 2011. – С. 55-59.
3. Добрицына И.А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 416 с.
4. Ермолаев А.П. Очерки о реальности профессии архитектор-дизайнер.: Уч. пособие. – М.: Архитектура-С, 2004. – 204 с.
5. Иовлев В. И. Архитектурное пространство и экология: Монография. – Екатеринбург: Архитектон, 2006. – 298 с.
6. Иовлев В.И. «Экопространство» как объект изучения в архитектурной школе // Развитие региональных архитектурно-художественных школ в контексте историко-культурных традиций. Материалы научной конференции. Том 1. – Казань: КГАСУ, 2005. – С. 199-200.
7. Кабаков И., Бакштейн И. Коммунальная квартира. Проект Россия № 6. – С. 20-24.
8. Корнель П. Пути к раю / пер. со швед. – СПб.: Азбука, 1999. – 176 с.
9. Марков Б.В. Человек и дом // Сб. научных трудов «Антропологическая соразмерность». – Казань: КНИТУ, 2011. – С. 64-81.
10. Малахов С.А. Книга о Композиционном Методе проектирования, а так же – о поисках метаобъекта // Сб. научных трудов «Ступени 2010». – Наб. Челны: НИСПТР, 2011. – С. 100-105.
11. Ричи Д. Столица кича // Мир по-японски. Эстетические и этические ценности в японской культуре. – СПб.: Северо-Запад, 2000. – С. 83-88.
12. Ямамото Р. Клеточный город // TRIVIUM. Теоретическое приложение. Мир дизайна, 1999, № 4. – С. II-IX.
13. Янковская Ю. С. Феноменологическая школа русского архитектуроведения. К развитию идеи // Архитектурно-художественная композиция: Сб. научно-методических трудов № 2. – Екатеринбург: Архитектон, 2007. – С. 28-39.
14. Янковская Ю.С. Развитие представлений о пространстве и формообразовании в архитектурной теории // Архитектурно-художественная композиция: формирование пространства: Сб. научно-методических трудов № 3. – Екатеринбург: Архитектон, 2009. – С. 47-49.

Ryabov N.F. – senior lecturer

E-mail: ryabov.kazan@gmail.com

Kazan State University of Architecture and Engineering

The organization address: 420043, Russia, Kazan, Zelenaya st., 1

Forming potential of the design methods of the architect R. Yamamoto**Resume**

Japan architect Riken Yamamoto – the author of numerous projects, and text-manifesto «Cell City». Analysis of the structures described in this text, the sources, content value and the possibility of using methods of the master in teaching design – a subject the consideration of this work.

The basic unit of residential structures Yamamoto – a house-to-cell. Planning decision of this House is determined by the principles of neighborhood and connectedness. He demonstrates these principles as in work on multi-family housing complex, so in work on little individual dwelling house. The connecting elements of cellular structures are the pavement, transition bridge, stairs, public space (room, yard, garden). Spatial relationships express the relationship between the individual and society. Instead of the traditional scheme of «society – family – the individual»

architect offers another – «society – the individual – family». Morphogenesis in this context is seen as a program to create conditions for realization of the ever-changing human needs. The Master combines the phenomenological (the system is «a barrier – incentive») and composite (overlay networks) methods of shaping. It creates space («fusion works of architecture, things and events») are similar to the space of a traditional Japanese garden (a collection of pieces, impossible to consider one point).

Collective work of students and teachers by the method of Yamamoto ensures the forming skills of dialogic thinking. The principles of communication in a group of like-minded principles and the formation are similar – to assemble the common parts of the cell.

Keywords: Architect, Riken Yamamoto, house-to-cell, the individual, the system is «a barrier – incentive», a phenomenological approach, methodological creativity.

References

1. Benedict P. From the book «The Chrysanthemum and the Sword» // The world in Japanese. The aesthetic and ethical values in Japanese culture. – St. Petersburg.: North-West, 2000. – P. 64-76.
2. Ganzhara O. A. A man and his surroundings: visual semiotization person in space city // Collection of scientific papers «Anthropological proportionality». – Kazan: KNITU, 2011. – P. 55-59.
3. Dobritsyna I.A. From postmodernism – a non-linear architecture: Architecture in the context of modern philosophy and science. – Moscow: Progress-Tradition, 2004. – 416 p.
4. Ermolaev A.P. Essays on the reality of the profession of architect and designer: Schoolbook. – M.: Architecture-C, 2004. – 204 p.
5. Iovlev V.I. Architectural Space and Ecology: Monograph. – Yekaterinburg: Architecton, 2006. – 298 p.
6. Iovlev V.I. «Ecospace» as an object of study in the School of Architecture // Architectural and development of regional schools of art in the context of historical and cultural traditions. Proceedings of the conference. Volume 1. – Kazan: KGASU, 2005. – P. 199-200.
7. Kabakov, I. Backstein I. Communal apartment. Project Russia. № 6. – P. 20-24.
8. Kornel P. The way to Paradise / translated. with the Swede. – St. Petersburg.: Azbuka, 1999. – 176 p.
9. Markov B.V. The man and the house // Collection of scientific papers «Anthropological proportionality». – Kazan: KNITU, 2011. – P. 64-81.
10. Malakhov S. A. The book by the composition of the design, as well as – the search for meta-object // Collection of scientific papers «Steps in 2010». – Nab. Chelny: NISPTR, 2011. – P. 100-105.
11. Ritchie D. Capital kitsch // World in Japanese. The aesthetic and ethical values in Japan culture. – St. Petersburg.: North-West, 2000. – P. 83-88.
12. Yamamoto R. Cell City // TRIVIUM. The theoretical application. World of Design, 1999, № 4. – P. II-IX.
13. Jankowska Y.S. Phenomenological school of Russian management of architecture. To the development of ideas // Architectural and artistic composition: Collection of scientific and methodological works № 2. – Yekaterinburg: Architecton, 2007. – P. 28-39.
14. Jankowska Y.S. The development of concepts of space and the shaping of architectural theory // Architectural and artistic composition: the formation of space: Collection of scientific and methodological papers № 3. – Yekaterinburg: Architecton, 2009. – P. 47-49.